

Гу Наньчжао оправился поразительно быстро и уже на следующий день вернул прежнюю бодрость.

Проснувшись поутру, Цзинь Хань вспомнил ночные происшествия и мысленно обозвал себя полнейшим идиотом. Нашло же затмение!

Пустьдохнет этот паршивец, какое ему дело!

Цзинь Хань так и кипел от злости. И хотя Гу Наньчжао вел себя как обычно, явно не подозревая о ночных событиях, один лишь взгляд на его невозмутимое лицо напоминал Цзинь Ханю о собственной глупости.

Надо же было додуматься: лечить сопляка, укрывать одеялом, да еще и утешать, пока тот метался в кошмарах!

Цзинь Хань готов был локти кусать, лишь бы вернуться во вчерашний вечер и надавать по рукам самому себе за эту минутную слабость.

Разумеется, копящееся раздражение требовало выхода. Очень кстати сегодня подошла его очередь вести занятия у приехавших на обучение адептов, и Цзинь Хань решил отыгаться на Гу Наньчжао по полной, изощряясь в способах извести ученика.

Но мерзавец оказался до неприличия сообразителен. Он хватал всё буквально на лету, улавливая суть с полуслова и применяя приемы с поразительной легкостью. Поскольку во время тренировочных спаррингов Цзинь Хань не мог бить в полную силу, Гу Наньчжао умудрялся выходить сухим из воды, так и не подставившись под удар.

После очередного легкого обмена ударами Гу Наньчжао не поспешил отступить в строй. Напротив, он вежливо улыбнулся:

— Учитель, когда вы вчера сражались под водой со Зверем Пурпурной Молнии, Пожирающим Облака, вы применили невероятную технику. Я никогда прежде не видел ничего подобного. Не могли бы вы обучить ей нас?

Слух о том, как Цзинь Хань вырвал своего подопечного из пасти Зверя Пурпурной Молнии, Пожирающего Облака, разлетелся по округе за считанные часы. Приезжие адепты самого чудовища не видели, но успели наслушаться от учеников Секты Небесной Тени о его сокрушительной мощи. К тому же выдающиеся успехи самого Гу Наньчжао наглядно доказывали: Цзинь Хань — превосходный наставник. Поэтому, стоило юноше озвучить просьбу, остальные ученики тут же дружно закивали в знак согласия.

Цзинь Хань прищурился.

"Ах ты паршивец, — мысленно усмехнулся он. — Решил вывести мои техники?"

Впрочем, сам Цзинь Хань никогда не дрожал над тайными писаниями. Он твердо верил, что сходство стилей в бою не играет роли — всё решают личный талант и боевой опыт. Тот, кто одарен и наделен острым умом, способен уложить врага на месте простейшими базовыми взмахами меча. А если природа обделила умом, то преподнеси ему хоть величайший трактат бессмертных небожителей — проку не будет.

Отказываться он не стал. Лишь изогнул бровь, подхватил лежавший неподалеку деревянный меч и плавно, но стремительно продемонстрировал несколько сложных связок.

Окончив показ, Цзинь Хань опустил оружие:

— На сегодня всё. Тренируйтесь как следует. Завтра я лично проверю каждого. Кто не справится — отправится на кухню чистить овощи.

В Секте Небесной Тени была огромная общая трапезная, где питались все адепты. Кухонная работа там считалась неблагодарным и изнурительным трудом, поэтому старейшины частенько отсылали туда провинившихся учеников в наказание за непослушание или нерадивость.

Бросив на Гу Наньчжао многозначительный взгляд, Цзинь Хань сухо добавил:

— Свободны.

Он резко развернулся и зашагал прочь под унылые вздохи учеников. Запомнить столь изоощренную технику с первого раза было задачей запредельной сложности. Казалось, завтра половина класса дружно пойдет драить котлы.

— Эй, вам не показалось, что Бессмертный Лорд Ляньюй сегодня не в духе? — тихо спросил кто-то.

— Вот-вот! — поддакнул другой. — Обычно он такой мягкий, всегда улыбается во время занятий, а сегодня весь день ходит мрачнее тучи.

Один из учеников подошел разузнать подробности у Гу Наньчжао:

— Брат Юань Е, ты ведь живешь в одном дворе с Бессмертным Лордом Ляньюем. Не знаешь, почему твой наставник так разозлился?

Гу Наньчжао не спеша убрал деревянный меч на стойку, проводил взглядом удаляющуюся спину Цзинь Ханя и, едва заметно улыбнувшись, покачал головой:

— Без понятия.

На следующее утро ученики встретили наставника, сжавшись от страха. Никто из них не осмеливался поднять глаза и встретиться с ним взглядом.

Цзинь Хань на секунду замер, мгновенно смекнув, в чем дело. Он поднялся на помост и швырнул деревянный меч Гу Наньчжао:

— Начнем с тебя. Покажи, что усвоил со вчерашнего дня.

Поймав рукоять, Гу Наньчжао послушно кивнул и тут же пришел в движение. С безупречной точностью он воспроизвел вчерашние связки. Юноша не просто зазубрил движения — он уловил саму суть внутренней циркуляции энергии. Верни он себе прежний Духовный корень, и одного подобного удара хватило бы, чтобы расколоть горный хребет.

Когда Гу Наньчжао замер, завершив последнее движение, среди адептов прокатились восхищенные аплодисменты. Однако Цзинь Хань лишь глухо хмыкнул:

— Отвратительно. Не зачтено.

Объяснять, в чем именно заключалась ошибка, он, разумеется, не стал. Вместо этого высокомерно добавил:

— После занятий отправляешься на кухню. На три дня.

Окружающие побелели от ужаса. Если уж безупречное выступление Гу Наньчжао удостоилось лишь сурового наказания, то их самих ждала неминуемая кара.

Пока на площадке нарастала паника, Цзинь Хань внезапно сменил гнев на милость. Тяжелая маска суровости сползла с его лица, уступив место лучезарной улыбке. Обладая чарующей красотой, он преобразился в мгновение ока — точно весеннее солнце растопило зимние снега. Несколько стоявших неподалеку учениц густо покраснели и поспешно опустили глаза.

Слегка улыбнувшись, Цзинь Хань ласково произнес:

— Что ж, на этом проверку закончим. Сегодня мы разберем новую тему...

Он плавно перешел к объяснениям, и толпа молодых людей шумно, с облегчением выдохнула.

Лишь после окончания занятий, когда Гу Наньчжао послушно поплелся отрабатывать наказание в трапезную, до остальных наконец дошло: юноша, по всей видимости, чем-то

крепко насолил своему учителю. Иначе с чего бы наказание пало только на его голову?

Обычно Цзинь Хань не опускался до обедов в общей столовой — слуги доставляли изысканные блюда прямо к нему в уединенный двор. Но сегодня, искушаемый желанием поглумиться над поверженным учеником, он лично пожаловал в трапезную.

Как-никак Гу Наньчжао являлся старшим учеником Секты Ясной Луны, так что повара не решились нагрузить его грязной работой вроде мытья котлов или чистки столов. Ему поручили раздачу готовой еды.

Едва переступив порог, Цзинь Хань заметил своего подопечного, который с невозмутимым видом орудовал огромным половником, наполняя тарелку юной адепки.

Девушке на вид было не больше семнадцати. Смущенно потупившись, она не смела взглянуть на раздатчика и лишь робко указывала пальцем на приглянувшиеся блюда. Гу Наньчжао что-то негромко ей нашептал. Адептка вскинула взгляд, охнула и тут же снова спрятала лицо, густо залившись румянцем от щек до самой шеи.

Позади нее выстроилась длинная очередь, состоявшая преимущественно из представительниц прекрасного пола. Они то и дело бросали на красивого юношу кокетливые взгляды, перешептывались и весело хихикали.

Цзинь Хань удивленно приподнял бровь.

"Надо же, а паршивец пользуется успехом"

Цзинь Хань вальяжно опустился за один из свободных столов. Прошло совсем немного времени, прежде чем перед ним бесшумно вырос Гу Наньчжао с подносом в руках.

Аккуратно расставив тарелки, он почтительно склонил голову:

— Я почувствовал вашу ауру, как только вы переступили порог, учитель. Пожалуйста, угощайтесь, а я вернусь к вам, как только закончу с раздачей.

В трапезной стоял гул — обеденный час был в самом разгаре. Заметив, с какой заботой и почтением наказанный ученик ухаживает за своим суровым наставником, сидевшие поблизости адепты тихонько зашептались, восхищаясь его благонравием.

Цзинь Хань же, заметив вежливую улыбку Гу Наньчжао, нутром почуял подвох. Он уже собирался прогнать наглеца с глаз долой, как вдруг до его слуха долетел чей-то приглушенный вздох: «Такой преданный и послушный ученик... За что же Бессмертный Лорд так строго обошелся с ним?»

Понимая, что на него устремлены десятки глаз, Цзинь Хань сощурился и вкрадчиво спросил:

— Скажи, Чжао-эр, нет ли в твоём сердце обиды на то, что учитель заставил тебя трудиться здесь?

Гу Наньчжао смиренно опустил веки, безупречно отыгрывая роль кроткого и преданного воспитанника:

— Мое сердце спокойно, учитель. Я знаю, что каждое ваше решение продиктовано заботой о моем благе. Ученик не смеет роптать.

Хотя Цзинь Хань прекрасно понимал, что перед ним разыгрывают комедию, в глубине его души шевельнулось странное, необъяснимое удовлетворение. Он величественно кивнул и милостиво отпустил юношу.

Когда Гу Наньчжао вернулся к раздаче, Цзинь Хань проигнорировал любопытные взгляды зевак и принялся разглядывать принесенный обед.

Поднос ломился от аппетитных яств: горка пушистого белого риса, пиала наваристого куриного бульона, а к ним — обжаренная нежная люффа, сочные свиные ребрышки в густом карамельном соусе и хрустящие молодые побеги бамбука. Идеальное сочетание мясных и овощных блюд дразнило обоняние великолепным ароматом, заставляя рот наполняться слюной.

Раз уж пришел, глупо отказываться от хорошей еды. Цзинь Хань вооружился палочками и с удовольствием принялся за трапезу.

Однако, добравшись до середины чаши с рисом, он внезапно замер. На самом дне, заботливо скрытая под белыми зёрнами, лежала приличная порция болотной гуттуинии — той самой «рыбной травы».

Лицо Цзинь Ханя мгновенно окаменело. В памяти ураганом пронеслись воспоминания о тошнотворном, едком запахе тухлой рыбы, который преследовал его несколько дней назад. Он медленно поднял голову и уставился на Гу Наньчжао.

Тот словно почувствовал этот тяжелый, испепеляющий взгляд. Отложив половник, Гу Наньчжао повернулся к наставнику. Их глаза встретились в немом поединке, и юноша едва заметно, но вызывающе дерзко усмехнулся.

Сомнений не оставалось: это была спланированная пакость.

Цзинь Хань раздраженно ткнул палочкой в злосчастную траву. Его разрывало между яростью и диким желанием расхохотаться от абсурдности ситуации.

Паршивец специально припрятал вонючую зелень под рисом, справедливо рассудив, что, заметь Цзинь Хань подвох сразу, он бы попросту брезгливо швырнул тарелку и ушел.

И ведь просчитал всё до мелочей!

Цзинь Хань сжал палочки так, что побелели пальцы, и уставился на дно пиалы с выражением глубочайшей скорби на лице.

В Секте Небесной Тени царил суровый устав: бери столько, сколько сможешь съесть, а за перевод продуктов полагалось немедленное и позорное наказание. Вокруг сидели десятки адептов, ловивших каждое движение Бессмертного Лорда Ляньюя. Опозориться из-за кучки вонючих сорняков было выше его достоинства.

Будь он в своем истинном облики, он бы в гробу видал эти дурацкие правила — законы созданы лишь для того, чтобы их нарушать. Однако сейчас его миссия в Секте Небесной Тени далека от завершения, и устраивать скандал раньше времени не следовало. К тому же нынешний сосуд, чье тело он занимал, обладал настолько скромным уровнем совершенствования, что затевать открытую вражду было попросту глупо.

Взвесив все за и против, Цзинь Хань обреченно вздохнул. Мысленно предавая Гу Наньчжао самым изысканным проклятиям, он принялся яростно, со скрежетом зубным, запихивать в себя болотную траву.

Проглотив добрую половину порции, Цзинь Хань ощутил, как рот заполняет тошнотворный, невыносимый привкус тухлятины. Желудок протестующе сжался. Пытаясь подавить рвотный позыв, он принялся судорожно уговаривать себя.

"Гуттуиния полезна, — принялся он убеждать себя. — Невероятно полезна для здоровья. Очищает ци, укрепляет меридианы..."

"Да к черту, кого я обманываю! Какая, к демонам, польза?!"

"Как же бесит!"

Хуже всего было то, что в переполненной столовой он не мог даже швырнуть в мерзавца тарелкой.

А вернувшись в уединенный двор, он тоже ничего не сможет сделать... Потому что в честном бою этот сопляк его попросту размажет!

Цзинь Хань сделал глубокий вдох, едва сдерживая дрожь. Злость клокотала в груди, грозя вырваться наружу.

Он шел сюда, предвкушая сладкое зрелище унижения Гу Наньчжао, а в итоге сам угодил в расставленный капкан. Покинув трапезную в скверном расположении духа, Цзинь Хань мысленно поклялся, что сотрет эту наглую ухмылку с лица ученика при первой же возможности.

Гу Наньчжао не спускал глаз с наставника. Заметив, как тот резко поднялся и стремительно зашагал к выходу, юноша на секунду замер.

Еще вчера утром, завидев помрачневшее лицо Цзинь Ханя, он понял, что тот пребывает в крайнем раздражении.

А сегодняшнее нелепое наказание лишь подтвердило его догадки. Размышляя о причинах этой внезапной вспышки гнева, Гу Наньчжао невольно вернулся мыслями к той ночи, когда его терзала лихорадка.

Должно быть, Бессмертный Лорд до глубины души пожалел о том, что проявил сострадание и помог ему.

Если бы подобное случилось раньше, Гу Наньчжао без колебаний счел бы Цзинь Ханя мелочным, злопамятным и коварным лицемером. Но теперь, сопоставляя его ночную заботу с сегодняшней нелепой местью, он находил в этом ребячестве нечто забавное и даже по-своему милое.

Покачив головой, юноша вернулся к работе, а на его лице появилась мягкая, теплая улыбка, о природе которой он и сам не догадывался.

Пока учитель и ученик увлеченно изводили друг друга изощренными пакостями, участь троих заговорщиков, напавших на Гу Наньчжао, оказалась куда более плачевной.

Перепуганные до полусмерти свирепым Зверем Пурпурной Молнии, Пожирающим Облака, они едва пришли в себя после обморока, как тут же натолкнулись на ледяные, полные презрения взгляды старейшины своего ордена.

Наказание последовало незамедлительно: негодяев с позором выставили за ворота Секты Небесной Тени, навсегда лишив права участвовать в Великом собрании по отбору.

Жизнь в резиденции вошла в привычную колею, и дни потянулись один за другим.

Вскоре старейшины Секты Небесной Тени объявили для всех адептов день отдыха, позволив им немного перевести дух и набраться сил.

Уставший от монастырского затворничества Цзинь Хань решил не упускать возможности. Пренебрегши утренней трапезой, он поднялся ни свет ни заря и отправился в город. Гу Наньчжао, как верный ученик, разумеется, был вынужден сопровождать своего наставника.

Так они и бродили по шумным городским улицам до самого вечера.

<http://bllate.org/book/20079/2039190>